

Бах в синодальном переводе

Музыку великого композитора адаптировали для православных

Владимир Ковальджи

В уходящем году состоялось (и еще успеет состояться) немало концертов духовной музыки. Как говорится, хороших и разных. Но ведь то же самое, слава Богу, можно сказать и о каждом из последних полутора десятков лет. Однако, подводя итоги 2003 года в этой области, хочется обратить особое внимание на один концептуально необычный проект, ломающий привычные жанровые стереотипы и требующий осмысления.

Как и все непривычное, концерт, о котором я хочу рассказать, вызвал очень неоднозначную реакцию. Время рецензий «по горячим следам» уже давно прошло, поэтому мы не будем рассматривать достоинства и недостатки исполнения с музыкальной точки зрения. Да и не это нас сейчас интересует: специфика газеты, пишущей о религии, располагает к разговору не просто о некоем событии культурной жизни, а о его значении и смысле в религиозном контексте.

Так что же, собственно, произошло?

17 апреля (в канун Великой пятницы по григорианскому календарю) в Большом зале Московской консерватории прозвучали знаменитые «Страсти по Матфею» Иоганна Себастьяна Баха. Конечно, это великое произведение уже много раз звучало в главном «храме музыкального искусства» России, но именно так – еще никогда...

Регент храма Святителя Николая в Толмачах (при Третьяковской галерее) Алексей Пузаков задумал и осуществил принципиально новое исполнение «Страстей» с заменой всех речитативов, которые написа-

ны Бахом, на евангельский текст, на чтение Евангелия в русском синодальном переводе (читала народная артистка России Алла Демидова). Идея – проста, как все гениальное: ведь сам жанр «Страстей» именно это и предполагает: напоминая евангельского текста о Страстях Господних плюс музыкально-поэтические комментарии к нему.

Однако (и это было неизбежно в данной концепции) форма баховского произведения претерпела кардинальные изменения. Практически все речитативы превратились в просто чтение. Но не только. Кое-что было опущено, некоторые арии лишлись своего «da capo» (музы-

В храме искусства возникла атмосфера настоящего храма Божьего

ка репризы служила фоном для чтения) и т.д.

Именно это в первую очередь (а не отдельные музыкальные удаchi или неудачи солистов и хора с оркестром) явилось основанием для совершенно полярных оценок услышанного. Наиболее резкую претензию в общем виде можно было бы сформулировать так: какое право имеет регент Пузаков (читай Иванов, Петров, Сидоров) кромсать по своему усмотрению одно из величайших произведений мировой музыки? Да еще и выносить таковую почти кощунственную «самодеятельность» на прославленную консерваторскую сцену?

Сам Алексей Пузаков не возражает, что такие замечания и обвинения вполне обоснованы, но с определенной точки зрения. Но он предлагает иную! И она как минимум достойна рассмотрения и попытки ее понять.

В природе человека заложено религиозное чувство, требующее своего проявления в поклонении и почитании. Человечество в течение всей своей истории творит себе кумиров – иногда из того, что его повседневно окружает, иногда прибегая к различной мифологии и философским изысканиям. Новейшие времена, когда предметами религиозного поклонения стали атеизм и материализм, оказали и продолжают оказы-

постижения и прославления – воплотившегося в мир Слова Божия, который по нашей вере есть Истина. В исполнении баховских «Страстей по Матфею» я не пытался вытащить с книжной полки музыкальной истории партитуру, представив ее слушателям как самостоятельную непреходящую ценность, требующую фанатичного религиозного поклонения. Я пытался прожить вместе с Бахом последние на земле часы жизни Христа до его погребения и Воскресения, раскрывая через понятное в русском переводе слово Евангелия и великую живую музыку значение для каждого из нас священных событий Страстной недели.

Итак, мы неизбежно подходим к главному, ключевому вопросу – вопросу об «иерархии ценностей».

Для кого-то баховские «Страсти» – это прежде всего гениальный музыкальный цикл, программной основой которого является евангельская история и соответствующее либретто на эту тему. Но главное – музыка. В конце концов в сходном жанре написаны сотни произведений, а Бах – один.

Кто-то после этого концерта (или даже до концерта – ведь его концепция была в целом ясна по афише) задумался о приоритете Слова Божия в данной форме. А главное – о том, что для самого Баха (глубоко верующего христианина) приоритет был именно таким!

Судя по реакции большей части публики, концепция в целом была ею понята и принята. В «храме искусства» возникла атмосфера (конечно, частично) настоящего храма Божьего, где главное – его Слово, а прекрасная музыка служит слову, свои-

ми особыми средствами дополняя и эмоционально «комментируя» его.

Алексей Пузаков утверждает, что концепцией его трактовки «Страстей» было точное следование слову евангельского текста: «Больше всего я боялся не сокращений (которые и так нередко практикуются при исполнении этого произведения, и не только в России, ведь полностью «Страсти» звучат более трех часов, что почти неприемлемо в современной концертной практике), я боялся превратить этот сложный, многомерный по форме и величественный по музыкально-драматургическим решениям цикл в бесвязную нарезку слов и музыки. Что в этой работе получилось, а что нет, судить не мне. Скажу лишь, что ни одна нота из партитуры Баха не была изменена или поставлена в не соответствующий ей контекст».

Тут буквально напрашивается аналогия с соотношением богослужебного Устава и реальной церковной традиции. В приходской богослужебной практике постоянно приходится прибегать к значительным сокращениям, не изменяя, однако, главного – структуры богослужения и его основных смысловых и эмоциональных акцентов. И если это совершается с верой, чувством меры и наличием вкуса, больших потерь (не в букве, а в духе божественной службы) не будет. Конечно, драгоценно каждое слово; конечно, уникально и неповторимо каждое песнопение или распев. Но человек, живущий в реальности современного мира, с его проблемами и его ритмом, может только мечтать о благочестии и размеренности жизни составителей древних

церковных канонов и уставов. Лучше спеть и прочесть меньше, но от всего сердца и всей души, чем упорно заниматься церковным «аутизмом», что выглядит несколько лицемерным, превращаясь в самоцель.

Нечто подобное можно отнести к проблеме (а такая, безусловно, есть) исполнения духовной музыки Баха. Ведь главное в ней – не мастерство гениального композитора эпохи барокко, а духовный труд великого христианина, который и сейчас помогает человеку приблизиться ко Христу, ощутив реальность Креста и Воскресения.

К сожалению, этот концептуально глубокий и важный эксперимент остается пока уникальным. Уверен, что необходимо продолжить творческий и духовный поиск в этом направлении и, опираясь на уже имеющийся опыт, постараться подняться в этой работе на новую ступень. Очень хочется надеяться, что и другие исполнители, разделяющие такой подход и такую систему ценностей, предложат свои варианты подобного «перевода» произведения западной духовной музыки для русской (православной) аудитории.

Кстати, что приятно отметить, предыдущая публикация в «НГ-религиях» нашей с Алексеем Пузаковым беседы о «Всенощном бдении» Сергея Рахманинова послужила толчком для еще одного духовно-музыкального события уходящего года. Прочитав ее, к Пузакову обратился директор Государственного хора Латвийской Республики с предложением участвовать в Рижском фестивале духовной музыки. А 24 сентября два хора – Третьяковской галереи и «Латвия» – впервые в Рос-

сии (а, может быть, и в мире?) исполнили в Москве «Литургию» Рахманинова в полной авторской редакции для двух хоров.

Приближается Рождество – для православных второй по значению праздник церковного года. У Баха есть большая «Рождественская оратория». Логично было бы предположить, что есть хороший повод для исполнения ее в том же ключе, что и «Страстей», с чтением соответствующих мест Евангелия по-русски. Однако предпроеждественский проект Алексея Пузакова иного плана. 19 декабря в Большом зале консерватории будет представлена более традиционная по форме композиция, в которой будут звучать стихи (тоже в исполнении Аллы Демидовой) и духовная музыка.

Пузаков объясняет это так: «Если в предпасхальные дни мы переживаем события Страстной недели, являясь свидетелями последних дней жизни Иисуса Христа, и Пасха приходит к нам как великое чудо победы Божественной любви над грехом и смертью, то перед Рождеством уместно вспомнить всю историю духовных исканий человечества, ответом на которые и стало Воплощение Сына Божия, совершившего эту победу. Поэтому в нашем концерте мы еще не празднуем Рождество и не говорим словами Нового Завета».

Мы стараемся на примере русской поэзии, в которой как в капле воды отражается весь духовный мир и опыт поиска Бога, задать извечные вопросы о месте человека в жизни, его одиночестве и невозможности своими силами изменить себя и творение, обрести ясность, покой и счастье. В концерте про-

звучат стихи Пушкина, Блока, Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой, Бродского, подобранные Аллой Демидовой как глубокое внутреннее размышление, приводящее душу к Вифлеемской пещере. Хор в этой композиции существует как небесный параллельный духовный мир, ликуя в финале с земным миром».

В заключение хотелось бы вернуться вновь к самому неординарному духовно-музыкальному событию года и сказать, что смелый (пусть для кого-то и слишком!) духовно-музыкальный эксперимент Алексея Пузакова, по моему мнению, имеет большое значение в процессе взаимопонимания и взаимопроникновения христианских культур («культура» – от слова «культ») Востока и Запада. Может быть, впервые мы почувствовали (не умом – теоретически тема «Страстей» всем известна, а слухом и сердцем), как близок баховский цикл православному богослужению «Двенадцати Евангелий» накануне Великой пятницы. Конечно, это иной музыкальный язык, иная форма. Но содержание одно: Евангелие, Христос, добровольно предающий себя ради спасения падшего человека. В свете этого великая баховская музыка перестает быть только гениальным произведением искусства, которым можно просто «наслаждаться», а воспринимается как глубокое молитвенное размышление.

Дерзну предположить, что сам Бах одобрил бы такое понимание. ■

Владимир Кириллович Ковальджи – заместитель главного редактора радиостанции «София».

ИТ Религия (ирин. к газ. Независимая) – 2003 – 3 фев. – с. 8.